

Рафаэль Дамиров

ЗОНА МОЛЧУНОВ

ОБИТЕЛЬ ВЫЖИВШИХ

ТОМ 4

Рафаэль Дамиров

Обитель выживших. Том 4

<https://litres.ru/74615204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди перестали быть людьми. Они не говорят, не чувствуют боли, не ищут еды. Только идут на любой звук и убивают. Их называют молчунами, и никто не может объяснить, что произошло. Нет вируса, нет привычного заражения. Есть лишь пустые города, страх и новое правило: чем тише ты себя ведёшь, тем дольше проживёшь.

Максим Беркутов, опытный оперативник, спасает случайных людей и собирает вокруг себя выживших. Его группа сталкивается с бандами и полчищами молчунов, шаг за шагом продвигаясь к разгадке происходящего. Они пытаются остановить «тишину».

Но вскоре становится ясно: у этой катастрофы есть источник. И тот, кто стоит за ней, опаснее любых мародёров и самих молчунов.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рафаэль Дамиров

Обитель выживших. Том 4

Глава 1

Я сразу его узнал.

Гризли. В первый же мой день в этом мире я вывалился, голый и почти без памяти, из леса на поляну прямо во время его гулянки с байкерами. А поскольку товарищ вёл себя грубо, то забрал его обрез, одежду и байк. А следом увёз и девушку, Искру — она тогда была в их компашке. Точнее, она сама ушла. Но это сути не меняет.

Он тоже меня узнал.

— Ого! — воскликнул здоровяк. — Какие гости! Живой, сука! А я тебя всё это время вспоминал, урод. — Он обвёл рукой зал. — Ты бессмертный или как? Видел, сколько нас? Надо было тебя еще тогда, в лесу прикопать. Вот где я дал маху. Но ничего, сейчас исправим. Здесь же вас всех и положим.

Он перевёл тяжёлый взгляд на Искру, прищурился. У той дёрнулось плечо.

— А теперь слушай меня. Никто никого не положит, — ровно сказал я. — Отпускаешь наших людей, даёшь нам уйти. Место оставляешь себе. Забирай тут всё, что найдешь. А

тут есть чем поживиться. И расходимся ровно. Усёк?

— Ты охренел, тут условия ставить! — Гризли ухмыльнулся. — Местечко тёпленькое мы и так заберём. А всех вас прикончим. — он окинул нашу троицу беглым взглядом. — Хотя... может, и не всех сразу.

Он глянул на Искру.

— Тебя вот придержу. Со мной начинала — со мной и останешься. Вишь, сколько у меня голодных парней.

— Да пошёл ты, — процедила она, не отводя глаз.

Гризли усмехнулся краем рта.

— А ты не изменилась, сучка.

Искра побелела, но смолчала. Зато Джуд выскочила вперед, уперев руки в бока. Глаза ее полыхали яростью.

— Что значит «со мной останешься»? С какого это хрена! — Она ткнула пальцем в сторону Искры. — Ты так и не ответил — откуда ты ее знаешь? Это одна из твоих шлюшек из прошлой жизни?

— Успокойся, — процедил Гризли. Было заметно, что поведение подружки ему не по нраву. — Эта баба будет для моих парней.

— Повторяю, — я прервал перепалку любовничков. — Условия ты слышал. Не разойдёмся миром — отсюда тебе не выйти. Дом окружен моими людьми. Подам знак — положат всех, до последнего.

Гризли расхохотался.

— Складно врешь! — Он выдернул из кобуры пистолет и

навёл ствол на Ефима. — А ну проверим, есть кто у тебя на стреме или брешешь все.

Ефим не дрогнул. Стоял, глядел на ствол в упор.

— Не советую, — ровно сказал я и поднял левую руку. — Убери ствол, иначе, как только рука моя опустится, мои люди увидят сигнал.

— Ну давай. — Ствол он с Ефима не убрал. — Давай, опускай. По глазам вижу — блефуешь, сука.

Меня хорошо было видно из многоэтажки напротив через разбитые окна. Я опустил руку.

Снаружи коротко хлопнуло. Пустая консервная банка на журнальном столике звякнула, подскочила и покатилась по полу. Подкатилась Гризли под самые ноги. Он нагнулся, поднял. В жести чернела сквозная дыра.

— Дом под прицелом снайпера, — сказал я. — Мы уходим. Все уходим... Дернетесь, и следующая пуля будет у тебя в башке.

Гризли повертел простреленную банку в пальцах, раздуывая. Потом опустил пистолет.

— Ты чего, зассал? — вскинулась Джуд, перемежая всё с отборным матом. — Угандошь их всех, прямо тут! Их же всего здесь трое! Куда подевался мой бесстрашный вепрь?

Она нетерпеливо ходила взад-вперед, широко размахивая руками. Эмоции так и захлестывали ее. Гризли проигнорировал ее выпад.

— Забирай своих, — хрипло бросил Гризли. — Валите

отсюда, пока я не передумал.

— Да ты что! — завопила Джуд ещё громче. — Прикончи его сейчас же! Ты что, просто так позволишь им уйти?! И мы как...

— Цыц, дура! — Гризли даже не повернулся. — Своими людьми я из-за твоей шизы рисковать не стану. Позже разберусь...

— Так это ж весело будет! Кто-то сдохнет, ну и пусть! — Она судорожно хлопнула в ладоши и вдруг осеклась, сощурилась. — А-а... Поняла я. Отпустить ты её хочешь.

Она кивнула на Искру. Подошла, медленно оглядела с ног до головы.

— А эти уже так, до кучи. Пожалел ее, значит? Или, может, у тебя планы на нее появились?

— А ну заткнулась! — рявкнул Гризли. — Сам разберусь. Девушка примолкла, отступила, обиженно поджав губы и скрестив руки на груди.

Гризли махнул своим.

Дионисия сняли с табурета, срезали хомуты с запястий, сняли петлю через голову, задевая бороду и волосы.

Дионисий сразу же метнулся в угол, где у стены так и лежал Егор — неподвижный, лицом в пол, и можно было представить, сколько там натекло крови, пока мы с Гризли торговались.

Кнут с Вовой подхватили своё оружие и бросились туда же.

Вдвоём они взвалили тело Егора священнику на плечо. Дионисий молча принял ношу, шевельнул губами, что-то бормоча, и направился к выходу.

В дверях нас нагнал Кирюха. Пацан всё это время просидел за углом на лестнице, слушал. Дождался, когда я войду со своими, и теперь кинулся следом, вцепился Кнуту в рукав.

Из здания мы высыпали бегом. Пикап ждал на прежнем месте. Грузились второпях. Кнут помог Дионисию устроить Егора в кузове, сами они запрыгнули следом. Остальные разместились в кабине. Я завел мотор и рванул с места. Надо было побыстрее сматываться отсюда, пока Гризли не сообщил, что его провели... Не было у меня людей вокруг дома, только один стрелок с карабином в окне напротив.

Скоро через улицу метнулся и сам Филин — карабин в одной руке, рация в другой. Я притормозил, и он на ходу перевалился через борт.

Ну вот и всё, газ в пол. Пикап рванул и резво покатил по улицам, петляя и обходя попадавшие на дороге легковушки. Чёрный провал входа мелькнул в зеркале и пропал за поворотом.

* * *

Гризли вылетел на крыльцо, за ним Джуд и остальные.

Пикап уже отъезжал от тротуара. С другой стороны улицы к нему нёсся человек с карабином — через секунду он с разбегу перемахнул через борт. Машина вильнула и ушла

за угол.

— Суки! — прорычал Гризли. — Они нас обманули! Их всего четверо было. — Он сплюнул под ноги. — По коням! Догоним их.

Бугай кинулся к внедорожнику и осёкся на полушаге. Было видно, что так сразу не стартанёшь – все четыре колеса осели на обода.

Гризли со злости впечатал ботинок в порезанную шину. — Ничего, — выговорил он сквозь зубы. — Ещё свидимся.

Джуд подошла сзади, встала рядом.

— А ведь занятная выйдет игра, — промурлыкала она. — Поохотимся, дорогой.

Она обхватила его лицо обеими ладонями и жадно впилась ему в губы.

Ехать было недалеко — что торговый центр, что больница стоят в центре Темногорска, в двух шагах друг от друга. Но я сделал крюк, дабы убедиться, что хвоста нет.

Уже на парковке я заглушил мотор. Мы выбрались из кабины, подошли к кузову, чтобы помочь Егору.

— Он дышит, — Дионисий отнял ладонь от груди парня и обернулся к нам. — Ему нужна помощь.

— Дышит? — Вова протолкался ближе. — Да его же пулями прошило. Какая тут помощь.

— Ты не забывай, Вова, друг наш — особенный. — Кнут глядел на Егора и почти улыбался. — Живой, говорю же...

Его осмотрели прямо в кузове. В себя парень так и не приходил. Три раны — две в спине, одна в груди, все три не сквозные. Пули не вылетели, а засели где-то внутри. Я приложил ладонь к его лбу. Тело парня пылало жаром.

— Смотри-ка. — Кнут качнул головой. — И кровь почти уже не идёт.

— Так она и сразу не шла, — пожал плечами Вова. — Мы к нему подошли еще там, в торговом зале, когда он у стены валялся. Крови на полу почти и не было.

— Что с ним такое? — спросил я.

— Есть у него кое-какие способности. Долго рассказывать. — Кнут отвёл глаза.

Филин с Вовой метнулись внутрь, приволокли носилки. Осторожно переложили Егора, понесли наверх.

Я решил расспросить о нем чуть позже, когда будет подходящее время, но Дионисий прервал мои размышления.

— Мы думаем, что причина его странных возможностей — укус одной из тварей, — отозвался священник.

— Молчуны не кусаются, — возразил я.

— Вот и мы так думали. Но один молчун его тогда достал. Рана зажила очень быстро. А сам он ловким стал и быстрым — не по-человечески. И силы в нём прибавилось. Мы сами видели, как он раздирал молчунов голыми руками. Только находит на него временами, как бы вернее выразить... по-

мутнение. Агрессивным стал, замкнутым. В минуту опасности и вовсе себя не помнит.

— Значит, держать с ним ухо востро, — подытожил я. — Если выживет.

— Он нас не раз вытаскивал, — отозвался Кнут. — Его повадки иной раз приходятся очень кстати.

В палате Егора переложили с носилок на кровать. В дверях показалась Лиза, глянула на нашу ораву и застыла. Открыла было рот, но я её опередил.

— Зови профессора. Живо.

Лиза сорвалась с места. Пока ждали Слободского, я подошёл к Филину и пожал ему руку.

— Спасибо. Сработал чисто. Не будь тебя наверху — лежать бы нам всем там.

Филин только хмыкнул.

— Я думал, они погоню организуют, — сказал я.

— А ничего бы у них не вышло, — Филин пожал плечами. — Я им на тачках колеса попротыкал.

— Вон что. Молодец, — я хлопнул Филина по плечу.

Через пару минут в палату влетел запыхавшийся Слободский.

— Что стряслось?

— У нас раненый, Альфред Маркович. Нужна ваша помощь.

Слободский пробежал глазами, стараясь понять, кто же из нас ранен и кому требуется помощь. Наконец, взгляд его за-

цепился за незнакомца, неподвижно лежавшего на кровати. Профессор побледнел.

— Какой в этом деле из меня помощник? Я биолог, не медик. И вообще, я человек науки, а не практик. Чем я тут могу помочь?

— Вы хотя бы гляньте, — сказал я. — Кроме вас больше некому.

Слободский помедлил, потом шагнул к кровати, на которой лежал Егор, склонился над ним, внимательно осмотрел раны, не торопясь. Пальцем обвёл края ран, сдвинул брови.

— Странное дело, — проговорил он. — Так мало крови. Три пулевых, а он еще жив. Как такое возможно?

Он вопросительно уставился на нас.

— Это долгая история, профессор, — сказал я. — Скажем так, есть у парня некоторые особенности.

— Ну тут ясно главное. — Слободский выпрямился. — Первым делом надо извлечь пули. Инструмент найдём, больница же. А вот хирурга у нас нет. — Он развёл руками.

— Вы и будете вместо него, — сказал я.

— Я?! — Слободский отшатнулся. — Да как же. Я этим никогда не занимался. Я ему только наврежу.

— Не извлечете пули — он умрёт, — отрезала Искра. — Разницы никакой. Хуже не сделаете, понимаете? Так что беритесь за дело.

— А может, нормального доктора поискать? — подал голос Вова. — Настоящего, а не вот этого... заумного.

Он кивнул на профессора. Тот обиженно посмотрел на Вову, но ничего не ответил.

— Доктора? — Кнут усмехнулся. — И где ты его возьмёшь? Город вымер. Живого человека встретишь — уже событие. А чтоб хирург — таких и в прежние времена днём с огнём искали.

— Кнут верно говорит, — вставил Ефим. — Пока по городу доктора ищем, парень три раза отойти успеет. Надо действовать сейчас, а не бегать.

— Хватит болтать, — оборвал я. — Профессор, беритесь уже за дело. Не будем терять время.

— Нет, — Слободский испуганно мотнул головой. — Нет-нет. Я не справлюсь, я же говорю, я...

Лиза подошла очень тихо и тронула его за рукав.

— Прошу вас, Альфред Маркович. Давайте хотя бы попробуем, парню нужна помощь. А я рядом буду, помогу, чем смогу.

— Чем же вы мне, моя хорошая, поможете? — Он уже отворачивался к двери. — Нет. Сказал — не участвую, и весь разговор.

И тут Филин вскинул карабин и упёр ствол профессору в спину. Тот застыл на полушаге. Искра дёрнулась вперёд, но осталась на месте.

— Помогите ему, говорят, — глухо сказал Филин. — Или выстрелю.

— Вы... вы не посмеете. — Профессор сглотнул.

— Ещё как посмею. По-хорошему не хочешь — будет по-плохому.

Филин ствол не опускал. Профессор обмяк плечами, тяжело выдохнул.

— Хорошо. Будь по-вашему. Сделаю, что смогу. Но я вас предупредил, случай сложный и гарантий никаких. — Профессор отёр ладони одна о другую. — Лиза, будьте добры, подготовьте инструмент. А вы, — он глянул на Филина исподлобья, — раз такой скорый, катите его в операционную.

Егора увезли в операционную, подняли на стол. Подключили генератор. Над больным горела всего лишь одна лампа — на большее генератора не хватало. Но и то по нынешним временам было очень хорошо.

Лиза по указанию Альфреда Марковича собрала нужные инструменты, обработала их дезинфицирующим раствором. Профессор долго стоял над раненым в нерешительности. Натянул перчатки, взял скальпель. Короткопалые его руки ходили ходуном.

Лиза аккуратно накрыла его запястье ладонью в перчатке, поймала взгляд.

— Не бойтесь. У нас все получится.

Слободский выдохнул, вытер рукавом халата выступивший на лбу пот и осторожно провел скальпелем по телу. Кожа разошлась. Выступила тёмная капля крови. Профессор снова удивился — одна капля от такого разреза.

Однако это и облегчало ему пока что задачу.

Специальным инструментом он развёл края, пинцетом пошёл вглубь. Лиза стояла рядом и ассистировала. Пуля сделала глубоко. Профессор поддел её, вытянул. Бросил в лоток — звякнуло. За ней вторую, следом и третью.

Всего через несколько минут, раны промыли, перевязали.

Слободский стянул перчатки, оглядел стол.

— Чудеса, — обронил он, дыша тяжело, будто с горы спустился. — С такими дырами впору кровью истечь. А тут сухо. И что удивительно, — Альфред Маркович поднял на меня глаза. — Ни одна пуля не задела жизненно важных органов. Хотя должны были, судя по тому, как они вошли в тело. Что у вас за пациент, Беркут?

Я вкратце рассказал ему, что произошло с парнем. Профессор только удивленно качал головой.

— Его организм нужно исследовать. Можно взять немного крови и...

— Только не сейчас, — оборвал его я. — Пусть сначала придет в себя и окрепнет. Если вообще выживет, конечно.

Под эти наши разговоры Егора перенесли на кровать. Сами мы всей толпой перебрались в ординаторскую — нужно было решать, как быть дальше.

По городу гуляла разъярённая банда Гризли, и миром это кончиться не могло — такие не отступают. Теперь они представляли для нас серьезную угрозу.

Но дело было не только в этом. Наша увеличившаяся в численности компания представляла не меньшую опасность

для себя же, особенно учитывая, что некоторые ее члены готовы были перегрызть друг другу глотки прямо сейчас. И с этим нужно было что-то делать. Вся мужская компания во главе со священником осталась без убежища посреди враждебного города. Но и здесь они вряд ли останутся. Правильно сказал тогда Кнут, у нас разные дороги.

Я оглядел своих и помолчал. Филин чистил карабин, ни на кого не глядя. Вова все время враждебно поглядывал на Искру, да и та в свою очередь не сводила с него глаз, а пальцы её все время лежали на рукояти биты, то и дело сжимая ее.

Леший очнулся под мерное тиканье метронома. Тот стоял на полу возле его головы и ровно щёлкал. Железку эту ему сунули в камеру вместе с миской и ничего не объяснили. Тимур не появлялся. Лешего просто держали тут в качестве узника уже несколько дней. Это была та самая камера, в которую не так давно был заключен Беркут.

“Надо же, — подумал Леший. — А ведь как оно бывает... Жизнь любит преподносить сюрпризы. Никогда не думал, что сам окажусь здесь, на его месте.”

На лестнице вдруг загремели шаги, и Леший приподнялся на локте, повернул голову к двери. Засов лязгнул, дверь отошла в сторону. В камеру ввалились двое с автоматами, и один мотнул стволом на выход.

— Куда? — спросил Леший.

Ему не ответили, и он так же молча поднялся. Повели Лешего по лестнице наверх и вытолкнули на улицу. После подвальной темени даже вечерний свет резанул по глазам.

Леший проморгался, огляделся. Вечерело. Небо над лагерьем висело низкое, к западу желтело. По раскисшему плацу к площади стекались люди. Обычно каждодневное привычное построение проходило с утра, перед началом рабочего дня. А тут вечер, и людей зачем-то сгоняли всех вместе на площадь, на бывшее футбольное поле.

Леший брёл в кольце охраны и, то и дело окидывая всё взглядом из-за их спин и плечей, заметил, что на площади снова виднелась арена.

Охрана повела его напрямик туда. Люди расступались, отводили взгляд. Никто не осмелился посмотреть ему прямо в глаза. Раньше он был «правой рукой» босса, вторым человеком в лагере, которого все боялись. А теперь – просто узник-калека.

Его грубо втолкнули за ограждение. Леший устоял на ногах, обернулся. Над ареной горел единственный на всю площадь прожектор, солярку берегли.

Минуты через две на помост поднялся Тимур. В этот раз он сиял своей белозубой улыбкой, такой уже давно никто не видел на его лице. Гладко выбрит, волосы зачесаны назад. Хозяин лагеря явно готовился к вечернему мероприятию.

Тимур поднял руку. Гул на площади стих.

— Ну что, народ. — Тимур упёр руки в перила, оглядел

площадь. — В последнее время у нас выдались нелегкие времена. Сами знаете. Но мы выстояли. Мы много трудились, чтобы вновь возвести нашу крепость и сделать ее еще прочнее. Работали с рассвета до темноты, и вы меня по баракам крыли за это последними словами. Знаю. Не в обиде. Зато сегодня работы, наконец, окончены — периметр закрыт полностью, без единой щели. Забор стал крепче и выше. Я сам все обошёл и проверил. Теперь ни одна тварь к нам не пролезет. Так что можете спать спокойно.

По площади прошёл гул. Тимур переждал его.

— А теперь другое скажу. Все устали и вымотались. Так жить нельзя, люди. Человеку, кроме работы, и отдохнуть надо, и повеселиться. Когда-то, в той жизни, у нас с этим было проще, сами помните. А сегодня я предлагаю всем расслабиться и отдохнуть так, как мы это можем в новой жизни.

Тимур снова помолчал, выждал, затем вытянул руку, указал на Лешего.

— С сегодняшнего дня мы вновь открываем игры. Один из наших изгоев против молчунов.

Вся площадь повернула головы. На Лешего смотрели сотни глаз, и ни одного дружеского взгляда легионер не уловил. Он стоял, не шевелясь, и думал про себя, что Тимур, сволочь, умеет поставить спектакль. Не выволок его ночью за забор и не пустил пулю в затылок, как сделал бы любой другой. Нет. Собрал весь лагерь, зажёл прожектор, вышел чистенький и гладковыбритый. Чтобы все видели. Чтобы каж-

дый запомнил, что бывает с теми, кто поднимает руку на хозяина.

— Вот этот человек, — Тимур заговорил громче, и голос свободно разносился над лагерем, — был рядом с нами, жил среди нас. Я ему верил, как себе. — Тимур покачал головой, будто и сейчас не мог в это поверить. — А он меня предал. Вас всех предал, каждого, кто тут стоит. Что он сделал — я вам рассказывать не буду, мерзость это. Скажу одно: за такое у нас положено наказание.

Леший видел, как в толпе многие легионеры закивали. Хотелось крикнуть им правду — про то, как до последнего защищал общину, как жизнью своей рисковал и лишился руки. Про то, как после всех мытарств вернулся, наконец, к своим, а его не просто уже «похоронили», а списали со счетов как ненужный хлам. Его пытался убрать сам Тимур, и только потому, что тот стал неудобным.

Но он смолчал. Во-первых, не поверят. Во-вторых, Тимур только того и ждёт — чтоб предатель ещё и на площади дал слабину, начал оправдываться, уговаривать, вымаливать. Нет уж. Пусть говорит один. Не дождется оправданий...

— Сегодня он выйдет против молчуна, — объявил Тимур. — Один на один. Честно. Поглядим, на что ещё годен наш герой. Вы готовы к зрелищам?

На площади раздались несмелые хлопки.

Он махнул рукой куда-то в сторону, и через минуту двое конвойных выволокли из барака молчуна. На этот раз они

вели его под руки, а не на веревке. На голове у того был мешок, стянутый у горла верёвкой. Давно понятно: без света и шума молчун делается смирный, стоит, где поставили, и не рвётся. Леший сам когда-то этим пользовался, когда они с ребятами набирали тварей для старых боёв. Кажется, страшно давно давно это было.

Пленника выпихнули на середину арены. Это была женщина — тощая, одни кости. Ноги босые, в грязи. На щиколотке болтался обрывок веревки — держали, видно, на привязи, как собаку.

«Бабу мне подогнал, — подумал Леший. — Для начала. Чтоб не скучно было смотреть, но и не слишком быстро».

Молчунью затолкали в ограждение арены, где стоял Леший. Конвойный рванул верёвку, сдёрнул мешок и побыстрее отскочил к воротам, как от огня. Дверь захлопнулась.

Женщина качнулась на свету. Повела головой, мутные бельма пробежали по толпе через ограждение, по помосту — и остановились на Лешем. Он увидел, как она подалась вперёд всем телом, как пальцы растопырились сами собой. Ни звука — молчуны не кричат. Она просто сорвалась с места и метнулась через арену.

Леший встретил её ударом, подставив здоровое плечо. Женщина без голоса и имени врезалась в него, вцепилась, и они повалились в пыль.

Одной рукой, конечно, здорово не поборешься. Одной рукой надо бить сразу насмерть, одним ударом. Тут же бить бы-

ло нечем. Голыми пальцами такую не возьмёшь, будет возня, а в возне однорукому конец.

Баба оказалась дурной силы, несмотря на то, что выглядела худой и изможденной. Она лезла к горлу, шипела у самого уха, и Леший еле успевал отжимать её прочь культёй в грудь. Культя при каждом рывке отзывалась болью так, что темнело в глазах. Но боль была уже другая, не как в первые дни, когда ему хотелось орать в голос — тупая, глубокая, будто в обрубок забили гвоздь. Лево́й же он шарил по земле — но попадался только песок, опилки, снова песок.

Леший пытался нащупать хоть что-нибудь острое, чем можно было бы защищаться. Но бесполезно. На земле ничего не было — ни щепки, ни камня. Все убрали, вычистили площадку. Тимур и это предусмотрел.

Площадь притихла. Только прожектор гудел над головой да где-то в толпе скулил ребёнок, и мать зажимала ему рот. Помогать никто не кинулся. Да и кто бы кинулся — люди смотреть пришли, не спасать.

Сил не хватало. После ампутации он толком не отлежался, по-настоящему так и не окреп — ел что дают, спал как придётся, а потом ещё эти дни в подвале. Тело слушалось через силу, как чужое. Леший чувствовал, что ещё минута такой возни — и всё.

Вот молчунья уже подмяла его и тянулась корявыми пальцами к глазам. Леший отвернул голову, упёрся культёй ей в подбородок, задирая твари голову.

Бить было нечем. Значит, оставалось одно место, куда можно ударить так, чтобы убить, и Леший его знал. Он разжал левую руку, не поворачиваясь, нашарил на её лице скулу, надбровье — и вогнал большой палец в глазницу. До упора, со всей силы, сколько её ещё было, и провернул.

Под пальцем подалось, тонко хрустнуло, и тёплое потекло по запястью. Молчунья дёрнулась всем телом, хватка на горле ослабла. Леший этого и ждал. Коленом — под рёбра, рывок вбок, и он перекатился на неё, навалился всем весом.

До края арены было два шага — там торчал столбик ограждения, простая и гладкая труба, вбитая в землю. Леший вцепился ей в волосы, подтащил, рванул голову на себя и впечатал затылком в трубу. Раз. Ещё раз. Она билась под ним, молотила ногами, пальцы её пытались вцепиться ему в плечи, а он бил и бил, пока череп не хрустнул, и голова не сделалась мягкой под рукой.

Пальцы её скрябнули по песку и застыли.

Леший сидел рядом с мертвым телом и тяжело дышал. Грудь ходила ходуном, воздух драл горло. Левая рука до локтя была в чёрной жиже, и он не сразу сумел разжать пальцы — те так и остались скрюченными, будто всё ещё держали её за волосы. По лицу текло, и он не мог бы сказать, своя это кровь или её.

Потом поднялся — не сразу, враскачку, держась за ограждение, как пьяный. Площадь глядела на него и молчала.

Тимур на помосте медленно похлопал в ладоши. Один,

два, три хлопка, с оттяжкой и театрально.

— Вот это я понимаю, — проговорил он с удовольствием.
— Вот это игра. Видали? Одной рукой! Голыми пальцами!
— Он перегнулся через перила. — Победитель — наш Леший. Поаплодируем герою! Ну же! Не стесняйтесь!

Люди захлопали — жидкие хлопки, десяток-другой, да и те, скорее, со страху поддались.

— На сегодня хватит, — объявил Тимур. — Следующая игра завтра, в это же время. Приходите, не пожалеете. Ставки немного повысятся и условия будут жестче. Доброго всем вечера.

И легко, как со сцены, сошёл с помоста, довольный собой. Лешего повели обратно. У ворот конвойный глянул на его чёрную до локтя руку и брезгливо отвернулся. Братся за него никто не хотел — подталкивали стволами в спину. Пленника отволокли в подвал, впихнули в камеру, и он сел у той же стены, где сидел всегда. Метроном у двери щёлкал как ни в чём не бывало.

Дверь ещё не захлопнулась, как в коридоре снова застучали сапоги. В камеру вошёл Тимур, за ним двое с автоматами.

Он остановился посреди камеры, повёл подбородком на охрану.

— Выйдите. Прикройте за собой.

— Шеф, может... — начал один.

— Выйдите, я сказал.

Те вышли, притворили дверь. Тимур остался стоять, су-

нув правую руку в карман куртки. Наверняка там был пистолет. Тимур всё предусмотрел. Стоит Лешему только дернуться, и тот достанет оружие, и достанет быстро, он всегда был скорый на руку. Да и за дверью двое со стволами, стоит только крикнуть.

— Чем обязан? — спросил Леший.

Говорить было трудно, в горле саднило.

Тимур не ответил. Прошёлся по камере — три шага туда, три обратно, — оглядел голые стены, миску на полу. На метрономе задержал взгляд, и уголок рта у него дёрнулся.

— Ну как тебе мой сюрприз? — Он обернулся, щурясь. — Понравилось? А то я смотрю — засиделся ты у меня тут, зачах. Кровь разогнал? А ты был действительно хорош, молодец. Я даже заволновался в одном месте, честно. Думал — всё, кончилась игра, не начавшись.

— Рад, что не разочаровал.

— Не разочаровал, — согласился Тимур. Присел на корточки напротив, вровень с лицом, и заговорил другим тоном. — Ты пойми, Леший. Я же тебя отсюда не выпущу. Никогда. Хотел бы — и то не смог бы, люди не поймут. Но я и не хочу. Ты у нас теперь кто? Предатель. А предателей не прощают, сам же эти правила вместе со мной придумывал. Да и опасный ты стал. Непредсказуемый. Один раз с ножом в спальню залез — второй раз залезешь. Я ж тебя знаю.

Леший молчал. Знал, что сейчас будет главное, ради чего тот и спустился.

— Сегодня я тебе бабу подкинул, из доходяг, — продолжал Тимур ровно. — Для разминки. Чтоб втянулся. Я знал, что ты ее одолеешь. В другой раз выставлю мужика. Здорового, в самом соку — у нас таких за забором хватает. Одолеешь его — молодец, на следующий вечер получишь двоих. — Он скосил взгляд на культу, задержал, будто там было что рассмотреть, и хмыкнул. — А одолеешь двоих, чего, по правде сказать, я и не жду, — ну, так выставлю троих. Потом четверых. И так далее, пока не сдохнешь. А ты, Леший, сдохнешь рано или поздно. Не завтра, так через неделю. Арифметика простая.

Леший и сам уже считал. Мужика — может, и свалит, если повезёт, как сегодня. Двоих — вряд ли. Выходило две ночи, максимум — три. Надо что-то придумать.

Тимур поднялся с корточек, отряхнул колени.

— Отдыхай. Завтра день тяжёлый.

Больше он ничего не сказал — развернулся и пошёл к выходу. Дверь за ним захлопнулась, лязгнул засов, и шаги в коридоре затихли.

Леший остался сидеть у стены. Поднёс к глазам левую руку — большой палец так и не распрямлялся, под ногтями чернело.

Метроном щёлкал и щёлкал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.